

Доев с полным удовлетворением, Ци Гу откинулся на спинку стула, положил ладонь на переполненный живот и медленно поглаживал его, помогая пищеварению. Выражение лица стало редкостно расслабленным и мягким, как у сыто устроившегося зверька. На фоне его обычной холодности он выглядел неожиданно по-домашнему.

...Такое лицо показывают только перед самым близким человеком.

При этой мысли уголки губ Линь Ханьчжи поднялись. Он медленно наклонился ближе и совершенно естественно положил ладонь Ци Гу на низ живота.

Ци Гу поднял на него глаза.

Линь Ханьчжи невозмутимо объяснил:

— Помогу тебе помассировать.

После того, что недавно произошло в ванне, Ци Гу стал особенно чувствителен к прямым прикосновениям Линь Ханьчжи в этой области и инстинктивно немного отстранился. Но, встретившись с его обиженным взглядом, с беспомощным потаканием отодвинул собственную руку:

— Ладно, массируй.

У Линь Ханьчжи с Ци Гу всегда работал один и тот же приём — но работал безотказно.

Сначала Ци Гу было неловко: всё-таки впервые в жизни встречался с кем-то и впервые позволял другому человеку гладить свой живот. Но постепенно, под медленными, мягкими и точно рассчитанными движениями Линь Ханьчжи, он расслабился. Голова начала склоняться в сторону его плеча — и Линь Ханьчжи, прекрасно умеющий пользоваться каждой возможностью, тут же подставил плечо.

Так они долго сидели под тёплым оранжевым светом лампы: Ци Гу положил голову на плечо Линь Ханьчжи, а тот гладил его живот.

Издали медленно доносился шум волн, похожий на спокойную мелодию. Они естественно наслаждались этой тёплой минутой и почти хотели, чтобы рокот моря растянул её до бесконечности.

Можно было просто сидеть так вместе, ни о чём не думать, жить только в этом мгновении.

В такой атмосфере даже голоса невольно стали мягче и тягучее. Темы постоянно менялись, они могли говорить обо всём, но ни один не упоминал о завтрашнем визите к шаманке.

Ци Гу инстинктивно чувствовал в Линь Ханьчжи желание избегать этой темы. Когда человек сталкивается с тем, что трудно решить или ещё труднее принять, естественной первой реакцией становится бегство.

Но бежать Линь Ханьчжи было некуда. Что бы он ни чувствовал, утром с восходом солнца ему всё равно придётся пойти, разобраться в прошлом и понять, зачем семья Линь оставила у храма Хай-гуна свои приготовления.

Всю жизнь его словно толкала вперёд судьба.

Единственное исключение — его любовь к Ци Гу. Это была единственная особенность, единственная перемена в исходе, который будто давно написали за него.

Ци Гу понимал его чувства и сейчас не поднимал тему, позволяя ему ненадолго спрятаться от неизбежного.

Они сидели за столом до глубокой ночи. Ци Гу давно перестал чувствовать тяжесть после еды, но ладонь Линь Ханьчжи всё ещё лежала на его тёплой коже и мягко двигалась.

Ци Гу не убирал её. Так продолжалось, пока не захотелось спать и в уголках глаз не выступили физиологические слёзы.

Раковина в отеле была широкой, и они спокойно чистили зубы рядом. Когда Ци Гу поднял голову с пеной от мятной пасты у уголка рта и увидел в зеркале Линь Ханьчжи почти в точно таком же виде, ему невольно пришло в голову: эта сцена... похожа на супружескую жизнь из сериала.

На последние кадры хорошей дорамы, которыми показывают счастливый финал и идеальную любовь главных героев.

Похоже, Линь Ханьчжи подумал о том же. Во всяком случае, когда они закончили умываться, он не удержался и перед огромным зеркалом поцеловал Ци Гу в уголок губ.

*

В темноте они снова легли рядом на мягкую широкую кровать. Оба немного скованно ограничивали собственные движения, а в голове всё равно всплывали недавние картины.

Завтра... завтра ещё нужно выходить из номера.

Линь Ханьчжи подавил не самые гармоничные мысли, подвинулся верхней частью тела к Ци Гу и тихо, нарочно понизив голос до липкой нежности, сказал:

— Хочу спать, обнимая тебя.

Ци Гу в темноте не ответил. Линь Ханьчжи уже решил отступить, как вдруг почувствовал тёплые пальцы на запястье. Они будто проверили его, слегка сжали, затем увели его руку с прежнего места и положили на самое узкое место талии Ци Гу.

Дыхание Ци Гу было совсем рядом. Линь Ханьчжи медленно опустил пальцы на его талию и услышал мягкий голос:

— Спи. Спокойной ночи.

Линь Ханьчжи тут же захотел большего:

— А можно сначала поцеловать и потом спать?

Ци Гу:

— ...

Он не удержался от смеха, приподнялся и, нащупав в темноте, поцеловал Линь Ханьчжи в гладкий лоб. Тёплое дыхание коснулось кожи.

— Теперь точно можешь спать?

В голосе была беспомощная нежность.

— Надо отвечать взаимностью.

Едва Линь Ханьчжи закончил фразу, он внезапно крепче обнял Ци Гу за талию, притянул вниз и коснулся губами его губ. Поцелуй оказался мягким, как облако.

— Спокойной ночи.

Дыхание Ци Гу стало тяжелее, но Линь Ханьчжи сразу ослабил руку на его талии. Он лишь оставил ладонь поверх неё, пять пальцев слегка сжались в ложбинке у поясницы.

В темноте их дыхание будто переплеталось и целовалось само, безумно смешиваясь. А тела всего лишь лежали лицом друг к другу в объятиях и вместе уходили в сон с мятным вкусом.

Для Линь Ханьчжи этот сон оказался необычайно глубоким. Когда он проснулся, всё ещё

чувствовал себя будто во сне.

С возвращением сознания первым пришло ощущение тепла человека в объятиях. Его собственное холодное тело нагрелось от Ци Гу так сильно, словно он прижимал к себе печку. Линь Ханьчжи инстинктивно обнял его крепче, но тут же подумал, что Ци Гу может быть неудобно, и хотел ослабить руки.

В этот момент Ци Гу шевельнулся в объятиях — не пытаясь вырваться, а, напротив, глубже уткнул лицо ему в грудь.

Линь Ханьчжи решил, что он проснулся, и в слабом свете, едва пробивавшемся сквозь плотные шторы, посмотрел вниз. Но Ци Гу всё ещё спал с закрытыми глазами и спокойным лицом.

Словно в объятиях Линь Ханьчжи ему было безопасно и хорошо. Даже во сне он стремился прижаться ближе, обнять его, слиться с ним, будто они одно целое.

Осознав это, Линь Ханьчжи почувствовал, как что-то ещё более тёплое наполняет грудь жизнью. Его сердце будто долго было пустым заброшенным птичьим гнездом, а теперь туда внезапно вселилась маленькая птичка — щебечущая, шумная, живая, расправляющая яркие перья и хвастливо ими подрагивающая.

Никогда прежде он не чувствовал себя таким живым.

Оказывается, боль не даёт человеку почувствовать жизнь.

На это способна только любовь.

В слабом утреннем свете Линь Ханьчжи снова и снова целовал взглядом спокойные брови и глаза Ци Гу. Он не шевелился ни на миллиметр, боясь потревожить его сон.

Прошло ещё немало времени. Переполненный огромным чувством удовлетворения, Линь Ханьчжи снова задремал. Даже во сне уголки губ оставались поднятыми: он обнимал Ци Гу так, будто держал в руках весь мир.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949231>